

"БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ": МИФОЛОГЕМА ИЛИ "РЕАЛЬНОСТЬ"?

Достаточно абстрактное, чтобы породить разнообразные символы, достаточно конкретное, чтобы служить непосредственно достигаемым предметом ненависти, понятие буржуазии...

Ф. Фюре "Прошлое одной иллюзии"

Теперь настал черед обратиться ко второй части ключевой формулы марксистской интерпретации французских событий конца XVIII в., а именно к трактовке их как "буржуазной революции". Согласно марксистской социологии, "буржуазный" характер революции определяется, прежде всего, ее целью, каковой является "уничтожение феодального строя или его остатков, установление власти буржуазии, что создает условия для капиталистического развития". Кроме того, особенностью "ранних буржуазных революций", к которым относили и Французскую революцию XVIII в., признавалось то, что их "руководителем, гегемоном была буржуазия"¹.

Впрочем, тезис о том, что именно буржуазия сыграла ведущую роль во Французской революции, появился в историографии задолго до возникновения марксизма. Еще в 1790 г. Э. Бёрк в своих знаменитых "Размышлениях о революции во Франции" назвал "людей денежного интереса" в числе инициаторов и главных действующих лиц восстания против монархии². Его политический оппонент Дж. Макинтош, автор одной из первых исторических работ о причинах Французской революции, хотя и спорил с Берком по другим вопросам, эту мысль не только поддержал, но и развил: "Представители торговых и финансовых кругов всех европейских стран меньше страдали предрассудками, были более либеральными и образованными, чем земельные собственники — джентри. Их кругозор расширился, благодаря разветвленным связям со всем человечеством: сказалось большое влияние торговли на распространение в современном мире духа свободолюбия. Мы не должны удивляться, что этот просвещенный класс более других предан свободе и является самым ревностным сторонником политических преобразований"³.

¹ Советский энциклопедический словарь. М., 1979. С. 181.

² *Burke E. Reflections on the Revolution in France // The Works of the Rt. Hon. Edmund Burke. L., 1808. Vol. 5. P. 204—207.*

³ *Mackintosh J. Vindiciae Gallicae // Mackintosh J. The Miscellaneous Works. Philadelphia, 1846. P. 426.*

Впрочем, и для Бёрка, и для Макинтоша, и для других участников дебатов о Французской революции, развернувшихся в Англии 90-х годов XVIII в., этот тезис не имел принципиального значения. Те, кто его высказывал, вольно или невольно проецировали на французские события ситуацию в британском обществе, где торгово-промышленные круги действительно уже достаточно давно были активным субъектом политики. Однако, узнавая больше о происходившем во Франции, некоторые авторы порой существенно меняли свой взгляд на роль предпринимателей в Революции, как это сделал, например, Бёрк⁴.

Развернутое обоснование данный тезис получил несколько позднее — во французской либеральной историографии эпохи Реставрации, став краеугольным камнем трактовок Французской революции, предложенных Ф. Минье и А. Тьером. Суть событий конца XVIII в. они видели в борьбе за власть между общественными "классами": "аристократией" ("привилегированными"), "буржуазией" ("средним сословием") и "народом". Так, Минье утверждал, что падение абсолютной монархии в 1789 г. было прямым следствием предшествующего возвышения "буржуазии": "Сила, богатство, просвещение, самостоятельность среднего сословия увеличивались со дня на день, и оно должно было побороть королевскую власть и ограничить ее"⁵. Этому "классу" Минье отводил ведущую роль в Революции с ее начала и до 10 августа 1792 г. — дня, когда, по его словам, произошло "восстание народа против среднего сословия и конституционной монархии, подобно тому, как 14-ое июля было днем восстания среднего сословия против привилегированных классов и абсолютизма короны"⁶.

Именно после трудов историков эпохи Реставрации, отмечал известный французский исследователь А. Собуль, тезис о том, что революция была "завершением долгой экономической и общественной эволюции, которая и привела буржуазию к власти и к экономическому господству", стал неотъемлемой чертой "классической" (то есть либеральной и социалистической) интерпретации революционных событий: "Со времен Реставрации историки либеральной школы, даже если они несколько не интересовались экономическими истоками общественного развития, энергично подчеркивали одну из главных особенностей нашей национальной истории: появление, рост и конечную победу буржуазии; занимая промежуточное место между народом и аристократией, буржуазия постепенно создала кадры и выработала идеи нового общества, освящением которого стал 1789 год"⁷.

⁴ Подробнее см.: Чугинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М., 1996. С. 87.

⁵ Минье Ф. История Французской революции. СПб., 1906. С. 34.

⁶ Там же. С. 155.

⁷ Собуль А. Классическая историография Французской революции о нынешних спорах // ФЕ. 1976. М., 1978. С. 155.

Для марксистской историографии, которая в XX в. начала играть весьма заметную роль внутри "классического" направления, данный постулат имел крайне важное идеологическое значение. Как известно, сочинения французских либеральных историков эпохи Реставрации о противоборстве буржуазии и дворянства явились тем источником, откуда основоположники марксизма, по их собственному признанию, почерпнули идею классовой борьбы, ставшую одной из фундаментальных основ их учения. Придав ей значение универсального социологического закона, К. Маркс и Ф. Энгельс объявили революции "движущей силой" истории в целом. Сама же история в их учении представляла чередой социально-экономических формаций, сменявших друг друга в ходе революционных потрясений. Во Французской революции XVIII в. классики марксизма видели наиболее яркий пример "буржуазной революции", приведшей к смене феодального строя капиталистическим. «Франция, — писал Энгельс в предисловии к немецкому изданию 1885 г. "Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта", — разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна»⁸. Согласно теоретикам марксизма, во Французской революции XVIII в. именно "буржуазия была тем классом, который действительно стоял во главе движения"⁹.

В советский период, когда марксизм был императивно предписан отечественной историографии в качестве единственно возможной методологии, положения о "буржуазном характере" Французской революции и о ведущей роли в ней буржуазии, изначально лежавшие в основе ряда ключевых положений марксистской теории, воспринимались советскими исследователями как непреложные постулаты.

Тесная связь подобной трактовки Революции с марксистско-ленинской идеологией долгое время не позволяла отечественным историкам принять многие из тех результатов, что были получены в ходе исследований, проводившихся по данной проблематике за рубежом с середины 50-х годов. Предпринятая тогда в Западной Европе и Америке ревизия концептуальных основ "классического" видения Французской революции послужила мощным стимулом для активизации соответствующих научных изысканий историками всех направлений. Большинство же представителей советской историографии сначала просто игнорировало идущие на Западе дискуссии по этим проблемам, а с середины 70-х годов заняло весьма негативную позицию по отношению к предпринимавшимся зарубежными исследователями попыткам

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 259.

⁹ Маркс К. Буржуазия и контрреволюция // Там же. Т. 6. С. 114.

сделать основы марксистской интерпретации предметом научного обсуждения¹⁰.

Смягчение, а затем и полное прекращение идеологического контроля за историческими исследованиями во второй половине 80-х годов открыло возможность для свободной дискуссии и на эту тему, о чем свидетельствуют выступления участников "круглого стола" 1988 г., и прежде всего А.В. Адо, Е.В. Киселевой и А.В. Ревякина. В том же и следующем году вышли по данной проблематике статьи А.В. Ревякина¹¹, а в 1989 г. — коллективный труд под редакцией А.В. Адо "Буржуазия и Великая французская революция", состоявший из четырех очерков, авторы которых постарались учесть и использовать результаты соответствующих зарубежных работ последнего времени.

Однако на этом движение в данном направлении, увы, приостановилось. Отчасти снижение интереса отечественных исследователей к социально-экономической проблематике было связано с общим изменением приоритетов мировой историографии, отдававшей в конце XX в. предпочтение вопросам общественного сознания и развития культуры. Вместе с тем, эта общая для различных национальных школ историков тенденция была в нашем случае дополнена влиянием сложившейся у многих представителей среднего поколения российских историков Французской революции "аллергии" на марксистскую методологию, которая им в советские годы навязывалась в качестве единственно возможной. Их отход от марксизма имел своим побочным результатом резкое сокращение в постсоветский период числа исследований по социально-экономической тематике, некогда приоритетной для марксистской историографии. Показательно, что в 1990-е годы у нас в стране была опубликована всего лишь одна (!) статья по социально-экономической истории Французской революции¹².

Предпринятая в 2001 г. попытка оживить интерес к теме "Французская революция и буржуазия" проведением соответствующего "круглого стола"¹³ сколько-нибудь заметного отклика в научном сообществе не получила и продолжения практически не имела. Но от того, что о проблеме перестали говорить, она отнюдь не исчезла. Более того, необходимость ее изучения становится все

¹⁰ Подробнее см.: Чудинов А.В. Смена вех: 200-летие Революции и российская историография // ФЕ. 2000. М., 2000. С. 7–9.

¹¹ Ревякин А.В. Революция и экономическое развитие Франции в первой половине XIX века // Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология. М., 1988; Он же. Французская революция и буржуазия // ФЕ. 1987. М., 1989.

¹² См.: Французская революция XVIII в.: Указатель литературы на русском языке за 1986–1999 гг. // ФЕ. 2000. М., 2000.

¹³ "Круглый стол" Французская революция XVIII века и буржуазия // НиНИ. 2002. № 1.

более острой, поскольку год от года увеличивается разрыв между уровнем знаний о событиях во Франции конца XVIII в., достигнутым мировой историографией, и интерпретациями Французской революции в отечественной научно-популярной и учебной литературе, адресованной более или менее массовому читателю, — разрыв, на который обращали внимание еще участники “круглого стола” 1988 г.¹⁴ Природа не терпит пустоты, и пока профессиональные историки молчат, популяризаторы вынуждены тиражировать давно устаревшие клише: “Буржуазия возглавила революцию. Она боролась против феодально-абсолютистского строя и стремилась к полному его уничтожению”¹⁵.

* * *

Для начала определимся с терминами. Кто был “буржуазией” во Франции XVIII в.? На первый взгляд, вопрос выглядит наивно, ведь речь идет об одном из основных понятий, уже не одно десятилетие употребляемых в отечественной научной литературе. Его дефиниции есть практически во всех словарях и энциклопедиях. Так, согласно “Большой советской энциклопедии”, буржуазия — “господствующий класс капиталистического общества, обладающий собственностью на средства производства и существующий за счет эксплуатации наемного труда”¹⁶. А вот какое определение дает вышедший уже в постсоветский период “Иллюстрированный энциклопедический словарь”: “общественный класс собственников капитала, получающих доходы в результате торговой, промышленной, кредитно-финансовой и другой предпринимательской деятельности”¹⁷. Как видим, в обоих случаях на первом месте — социально-экономическое содержание понятия. Подобная трактовка опирается на труды теоретиков марксизма, также вкладывавших в данную категорию прежде всего социально-экономическое содержание: “современная буржуазия сама является продуктом ... ряда переворотов в способе производства и обмена”¹⁸ и т.д. Именно капиталистическая, предпринимательская буржуазия, по мнению основоположников марксизма, и одержала верх во Французской революции XVIII в.: “Победа буржуазии означала тогда победу нового общественного строя, победу буржуазной собственности над феодальной, ... конкуренции над цеховым строем” и т.д.¹⁹

¹⁴ Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989. С. 93.

¹⁵ Всемирная история. Т. 16. Европа под влиянием Франции. М.; Минск, 2000. С. 15.

¹⁶ Большая советская энциклопедия. М., 1971. Т. 4. С. 127.

¹⁷ Иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 1995. С. 105.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 421.

¹⁹ Там же. Т. 6. С. 115.

Аналогичным образом трактовала буржуазию конца XVIII в. и советская историография. Характеризуя социальный состав населения предреволюционной Франции, авторы вышедшего в 1941 г. фундаментального коллективного исследования по истории Революции относили к верхушке буржуазии "крупных финансистов, откупщиков, крупных купцов-оптовиков, арматоров-работорогцов, промышленников, владевших копиями, железозаводчиков", а к средней буржуазии — "купцов, владельцев небольших мануфактур и т.д."²⁰, то есть лиц, занятых предпринимательством в сфере производства, торговли или финансов. Точно так же описывали буржуазию Старого порядка отечественные авторы и других общих работ о Французской революции²¹. Да и сегодня эта точка зрения достаточно часто встречается в отечественной учебной и научно-популярной литературе. Так, авторы вышедшей в наши дни "Всемирной истории" под буржуазией, которая во Франции XVIII в. "возглавила революцию", понимают "промышленников и коммерсантов"²². О том же говорится в одном из весьма популярных постсоветских учебников для вузов: "Во второй половине XVIII в. против абсолютизма поднимается мощная волна оппозиции. Промышленники, которые уже не нуждались в опеке абсолютизма, были во главе этой оппозиции"²³.

Между тем, в свете дискуссий, прошедших в зарубежной историографии во второй половине XX в., подобное представление о буржуазии Старого порядка выглядит сегодня излишне упрощенным. Еще почти полвека назад английский историк А. Коббен в нашедшей лекции "Миф Французской революции" (1954) поставил под сомнение его обоснованность²⁴. Развивая свои мысли в книге "Социальная интерпретация Французской революции", он подчеркивал, что марксистская историография, характеризуя социальную структуру Старого порядка, относит к "классу буржуазии" социальные группы, имевшие разное положение в обществе, разные интересы и по-разному смотревшие на перспективу преобразований. Объединение же их всех в одном понятии "буржуазия" лишь затушевывает эти реально существовавшие различия²⁵.

²⁰ Французская буржуазная революция / Под ред. В.П. Волгина и Е.В. Тарле. М.; Л., 1941. С. 7.

²¹ См.: Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 27 — 28; Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. 1789 — 1814 гг. 3-е изд., доп. СПб., 1966. С. 34.

²² Всемирная история. Т. 16. С. 7, 15.

²³ Новая история стран Европы и Америки / Под ред. Е.Е. Юровской и И.М. Кривогуза. М., 1997. С. 67.

²⁴ См.: Cobban A. The Myth of the French Revolution // Cobban A. Aspects of the French Revolution. L., 1968.

²⁵ Cobban A. The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge, 1964. P. 55.

Более того, отмечал Коббен, та социальная группа, которая при Старом порядке собственно и называлась "буржуазией", в действительности не имела ничего общего с предпринимательскими слоями или, иными словами, с "буржуазией" в марксистском понимании: "Это были рантье и собственники, жившие "на дворянский манер", то есть ничем не занимаясь, в основном на доходы от собственности и проценты от государственных и частных займов. По своему богатству и образу жизни они принадлежали к дворянству среднего достатка и во многом разделили его судьбу — какой бы она ни была — во время Революции"²⁶.

В данной связи любопытно заметить, что в советской историографии не проводилось различия между термином "буржуазия" в том смысле, в котором его употребляли французы XVIII в., и марксистским понятием "буржуазии" как "класса". Например, А.З. Манфред, процитировав известную фразу Робеспьера: "Внутренние опасности исходят от буржуазии" и т.д., комментировал ее следующим образом: "Робеспьер говорил об опасности, исходившей от буржуазии. Это значит, что он хорошо понимал, какой класс стоит за противниками монтаньяров"²⁷. Подобное смешение понятий вело к искусственной модернизации представлений политика XVIII в., которому фактически приписывалась способность к классовому анализу в марксистских категориях.

Критика Коббеном марксистской концепции "буржуазной революции", как известно, положила начало продолжительным дебатам между сторонниками "классической" и "ревизионистской" интерпретаций французских событий конца XVIII в. Не станем задерживаться на перипетиях этой дискуссии: они подробно рассмотрены в специальной литературе²⁸. Замечу лишь, что, несмотря на весьма негативное в целом отношение к начатой Коббеном "ревизии", представители западной "классической" историографии, как правило, соглашались с тем, что проблема с определением понятия "буржуазия" — одного из ключевых для данной проблематики — действительно существует. Вот как об этом, например, писал Ж. Лефевр: "Признаем также, что г-н Коббен прав, выделяя различные категории внутри буржуазии и сожалея, что роль движения идей преуменьшается до крайности. Я и сам утверждал, что прогрессивная часть буржуазии состояла не только из тех, кто, развивая производство, подрывал основу Старого порядка..."²⁹ Впро-

²⁶ Ibid. P. 58.

²⁷ Манфред А.З. Указ. соч. С. 322.

²⁸ См., например: Блуменау С.Ф. От социально-экономической истории к проблематике массового сознания. Французская историография революции конца XVIII века (1945—1993 гг.). Брянск, 1995; *Comninel G. Rethinking of the French Revolution: Marxism and the Revisionist Challenge.* L., 1987; *Doyle W. Des origines de la Révolution française.* P., 1988. Ch. 1.

²⁹ *Lefebvre G. Le mythe de la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française (далее — AHRF).* 1956. № 145. P. 342.

чем, даже признавая правоту Коббена в этом вопросе, Лефевр, как мы видим, попытался смягчить его вывод: на самом ведь деле английский историк говорил не о "различных категориях внутри буржуазии", а о различных "буржуазиях".

Предложенное Коббеном "дробление" прежде единого понятия "буржуазия" на несколько было неприемлемо для историков-марксистов по идеологическим соображениям. Собуль прямо расценивал это как посягательство на классовый подход, святая святых марксистской интерпретации: «...Слово "буржуазия" чаще всего употребляется во множественном числе даже французскими историками. Не таится ли здесь более или менее явное намерение отрицать социальную реальность или по крайней мере реальность существования классов?»³⁰ Однако и он отнюдь не возражал против того, чтобы само понятие было уточнено: "...Вспомним о спорах по поводу слова буржуазия. История может двигаться вперед только при том условии, что она будет опираться на ясно разработанные направляющие концепции... Важно было бы договориться об этих необходимых концепциях и определениях, разумеется, могущих подвергаться изменениям и усовершенствованию"³¹.

В отечественной историографии, пожалуй, впервые попытка исследовать состав буржуазии Старого порядка, идя от исторических реалий, а не от постулатов марксистской теории, была принята в упоминавшемся выше коллективном труде "Буржуазия и Великая французская революция" Е.М. Кожокиным. Проведя на основе широкого фактического материала, в том числе собранного за последние десятилетия зарубежными учеными, детальный анализ содержания этой социальной категории в XVIII в., он, однако, попытался соединить полученные результаты с традиционными для советской историографии представлениями о буржуазии как "капиталистическом классе". Вследствие этого искусственного сочетания образ буржуазии Старого порядка получился довольно аморфным: "образование многослойное, имевшее капиталистическое ядро и более или менее удаленные, но тяготевшие к нему по характеру доходов, по экономическим, политическим, культурным устремлениям социальные группы"³².

Вместе с тем, Е.М. Кожокин подчеркнул, что социальный слой, определявшийся при Старом порядке как собственно "буржуазия", имел в действительности мало общего с капиталистическим предпринимательством. В XVIII в., указывал он, термином "буржуа" обозначали «ротюрье, не занимающегося какой-либо производительной деятельностью, человека, пользующегося определен-

³⁰ Собуль А. Указ. соч. С. 163.

³¹ Там же. С. 169.

³² Кожокин Е.М. Французская буржуазия на исходе Старого порядка // Буржуазия и Великая французская революция. М., 1989. С. 32.

ным достатком, живущего "на благородный манер", на государственную или частную ренту»³³. Причем со второй половины XVIII в. именно это значение слова было доминирующим. Впрочем, Кожокин отмечал, что существовало и другое, также применявшееся в XVIII в., более широкое и менее четкое значение термина "буржуазия" — верхний слой городских жителей, принадлежавших к третьему сословию и обладавших (в зависимости от местных нюансов) определенным юридическим статусом³⁴.

В зарубежной научной литературе также нет единой дефиниции этого понятия. Констатируя, что в XVIII в. оно употреблялось в разных смыслах, авторы выбирают какой-либо из них в зависимости от собственных предпочтений. Так, видный английский специалист по истории Старого порядка У. Дойл предлагает следующее, достаточно широкое определение: «Изначально слово "буржуа" означало просто жителя города, но, исходя из того, что буржуа, по определению, не занимались физическим трудом, они отличались этим от остального городского населения. Буржуазия, таким образом, состояла из имущих ротюрье, живших в основном в городах...»³⁵ При подобном подходе в категорию "буржуазии", действительно, попадает некоторая часть предпринимателей, например крупные торговцы — негоцианты. Однако и здесь понятие "буржуазия" имеет скорее культурно-правовое, нежели социально-экономическое значение, поскольку большинство соответствующих данному определению социальных групп (судейские, держатели должностей, рантье) не имело ничего общего с капиталистическим предпринимательством³⁶.

Близкой к этой точки зрения придерживаются и такие авторитетные французские исследователи, как П. Губер и Д. Рош. Рассмотрев разные определения понятия "буржуазия", существовавшие во Франции XVI — XVIII вв., они пришли к выводу, что, согласно наиболее распространенному из них, в него входила верхушка городского населения (*bons citoyens*), состоявшая в основном из лиц трех категорий: держателей должностей (*officiers*), торговцев (*marchands*) и получателей различного рода рент. Их всех объединял лишь одинаковый, "буржуазный", образ жизни, отличный от того, что вели, с одной стороны, дворяне, с другой — простолюдины. В остальном каждая из перечисленных категорий имела мало общего с другими, тоже входившими в состав "буржуазии". Они столь радикально отличались друг от друга и по источникам дохода, и по роли в общественно-политической жизни, и даже по своей социальной психологии, что авторы исследования сочли возможным назвать соответствующую главу "Буржуа и буржуазии",

³³ Там же. С. 35.

³⁴ См.: Там же. С. 33—35.

³⁵ Doyle W. Des origines... P. 172.

³⁶ Ibid. P. 177—178.

употребив понятие во множественном числе. Причем из всех этих "буржуазий" к капиталистическому предпринимательству имела прямое отношение лишь одна — торговцы³⁷.

Что касается предпринимательства, то новейшие исследования показывают: занимавшийся им экономически активный слой французского общества конца XVIII в. состоял не только из ротюрье, но и в значительной степени из представителей привилегированных сословий³⁸. В свое время французские историки-марксисты предложили определять буржуазию по следующим признакам: 1) свободно распоряжается средствами производства; 2) применяет на основе свободного договора рабочую силу, располагающую только своей способностью к труду; 3) присваивает вследствие этого разницу между стоимостью произведенного товара и оплатой затраченного труда³⁹. Однако, если приложить эти критерии к реально существовавшей социальной структуре Старого порядка, то окажется, что им в полной мере соответствуют такие дворяне, как Ле Камю де Лимар, основатель знаменитых медеплавильных Ромийи, или Игнас де Вандель, владелец еще более знаменитого металлургического предприятия Крезю, но уж никак не те бездельные рантье, которые собственно и назывались "буржуазией". Таким образом, казавшееся некогда простым и самоочевидным понятие утрачивает в свете новейших исследований прежний смысл и определенность, распадаясь фактически на несколько других, одинаково именуемых, но почти не связанных между собой.

Итак, кого же во Франции конца XVIII в. можно считать "буржуазией"? Именованный таким образом слой экономически пассивных рантье? Городскую верхушку третьего сословия в целом? Капиталистических предпринимателей, в число которых входили представители всех сословий, в том числе привилегированных? Или, действительно, точнее говорить не об одной, а о многих "буржуазиях"?⁴⁰

³⁷ Goubert P., Roche D. Les Français et l'Ancien Régime. P., 1984. T. 1. P. 170—185.

³⁸ См., например: Кожокин Е.М. Указ. соч. С. 25—27; Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1987. С. 48—50; Richard G. Noblesse d'affaires au XVIII siècle. P., 1974.

³⁹ См.: Собыль А. Указ. соч. С. 164.

⁴⁰ При отсутствии четких критериев понятия "буржуазия" французские историки решают эту задачу каждый по-своему. Причем даже те из них, кто тяготеет к Обществу робеспьеристских исследований, объединяющему сторонников "классической интерпретации", находят сегодня возможным употреблять это понятие во множественном числе — "буржуазии" (см., например, сборник статей: Bourgeoisies de province et Révolution. P., 1987), хотя, как мы видели, еще относительно недавно Собыль расценивал подобное дробление понятия ни больше ни меньше как покушение на теорию классового борьбы. Перечень же таких "буржуазий" каждый историк, похоже, определяет сам. Так,

Впрочем, какой бы ответ мы ни выбрали, сама по себе констатация того, что буржуазия была "разной", логически влечет за собой новый вопрос: Какая именно буржуазия совершила Революцию?

Коббен, пожалуй, первым поставивший эту проблему в подобном ракурсе, предложил проводить различие между буржуазией "растущей" (*rising*) и "приходящей в упадок" (*falling*). К первой он относил предпринимателей, занятых в торговой, промышленной и финансовой сферах, ко второй — оффисье и близких к ним по своим интересам лиц свободных профессий. При Старом порядке первая из этих двух социальных групп, по мнению английского историка, процветала благодаря происходившему в стране экономическому росту. Положение второй, напротив, ухудшалось из-за непрерывного падения цен на покупные должности и сокращения доходов их держателей. Соответственно, предприниматели не имели сколько-нибудь серьезных оснований желать ниспровержения Старого порядка, а потому и не играли в Революции столь заметной роли, как оффисье, которые собственно и возглавили движение против монархии. Именно держатели должностей и лица свободных профессий, то есть категории населения, далекие от капиталистического предпринимательства, и оказались, по словам Коббена, той "революционной буржуазией", что разрушила Старый порядок. И хотя Революция действительно освободила экономическую деятельность от многих существовавших еще со времен средневековья ограничений, в этом она лишь продолжила политику, начатую еще министрами-реформаторами при Старом порядке⁴¹. Свои разъяснения о том, какая буржуазия совершила Революцию, английский историк подкрепил ссылками на состав Учредительного собрания и Конвента, где торговцы, мануфактуристы и финансисты находились в явном меньшинстве (соответственно 13 и 9%), а большинство депутатов третьего сословия составляли оффисье (43 и 25%) и лица свободных профессий (30 и 44%)⁴².

В дискуссии, вызванной выступлением Коббена, не раз отмечалось, что его концепция не свободна от некоторых упрощений и неточностей. Так, по мнению Дойла, исследовавшего динамику цен на продаваемые должности во Франции XVIII в., Коббен ошибался, говоря об устойчивой тенденции к снижению их рыночной стоимости. По утверждению Дойла, накануне Революции цены на большинство должностей, напротив, росли, что, по его мнению, не

Ж.Л. Иссартель, анализируя социопрофессиональный состав местных органов власти в регионе Средней Роны, выделяет "буржуазию Старого порядка", "торговую буржуазию" и "фабричную буржуазию". — *Issartel J.L. Sociétés populaires et élections dans la région du Rhône moyen (1791-an II) // AHRF. 1998. N 314. P. 615, 618.*

⁴¹ *Cobban A. The Social Interpretation... P. 54 — 67.*

⁴² *Cobban A. The Myth of the French Revolution. P. 111.*

дает оснований расценивать оффисье как "приходящую в упадок буржуазию"⁴³.

Вместе с тем, многочисленные исследования, мощным стимулом для проведения которых стала указанная дискуссия, подтвердили, что поставленные Коббеном проблемы в целом актуальны и заслуживают самого пристального внимания. Не затрагивая всех аспектов этих дебатов, коснусь некоторых из них.

Наблюдение Коббена относительно существенных различий в экономических интересах и политических устремлениях разных "буржуазий" — в частности, предпринимателей, с одной стороны, и оффисье вместе с лицами свободных профессий ("буржуазии таланта", как их еще иногда называют) — с другой — нашло подтверждение в целом ряде локальных исследований. Возьмем для примера такие большие, но столь непохожие друг на друга города, как Тулуза и Марсель.

Тулуза, где торговля и промышленность имели относительно слабое развитие, была известна, прежде всего, как один из ведущих административно-судебных центров. Расположенные там многочисленные суды обеспечивали городу важную роль в жизни страны и служили основным источником дохода для населения. Неудивительно, что именно судейские и, прежде всего, адвокаты парламента составляли наиболее влиятельную и богатую социальную категорию внутри третьего сословия⁴⁴. Их образ жизни, существенно отличавшийся от того, который вело большинство коммерсантов, был близок к образу жизни дворян-землевладельцев. Свободные средства судейские также предпочитали вкладывать в приобретение земли⁴⁵. Хотя социальная мобильность между группами, составлявшими верхушку третьего сословия, например между капиталистической и некапиталистической буржуазией, имела место, однако масштабы ее были достаточно ограничены. Так, отцы 31,6% адвокатов тоже были адвокатами; 23,6 — юристами других специальностей (прокурорами, нотариусами и т.д.); 15,8 — буржуа-рантье и лишь 12% — коммерсантами⁴⁶. В период "предреволюции" судейские в целом и адвокаты парламента в частности играли, как самая просвещенная и политически наиболее актив-

⁴³ Doyle W. The Price of Offices in Pre-Revolutionary France // Historical Journal. 1984. N 27. Впрочем, в научной литературе высказывалось также мнение, что, несмотря на некоторое подорожание должностей к концу Старого порядка, на протяжении предшествовавшего этому столетия все же преобладала тенденция к падению цен на них. — См.: Mousnier R. Les Institutions de la France sous la monarchie absolue. P., 1980. Vol. 2. P. 346—347; Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. С. 100—101.

⁴⁴ Berlanstein L.R. The Barristers of Toulouse in the Eighteenth Century (1740—1793). Baltimore, 1975. P. 3, 47—55.

⁴⁵ Ibid. P. 55—60, 67—77.

⁴⁶ Ibid. P. 34—35.

ная социальная группа, ведущую роль в организации парламентской оппозиции монархии. С началом же Революции и переходом Тулузского парламента в лагерь ее противников лидерами "анти-аристократического" и антимонархического движения стали опять же не торговцы или мануфактуристы, а служащие судов низшей инстанции⁴⁷. Ни о каком противоборстве предпринимательской буржуазии и дворян-землевладельцев не было и речи⁴⁸. Даже такой авторитетный представитель "классической" историографии, как Ж. Годшо, признавал, что политическая борьба в Тулузе конца XVIII в. не вписывается в марксистские представления о "классовом конфликте"⁴⁹.

В Марселе, одном из ведущих центров морской торговли, между негоциантами и собственно "буржуазией", то есть верхним слоем городского населения, не связанным с коммерцией, при Старом порядке тоже существовали глубокие различия не только по источникам доходов, но и по культурному уровню и повседневному образу жизни⁵⁰. С начала же Революции эти социальные группы повели между собой острую борьбу за влияние в городе. Как показал в своем исследовании британский историк У. Скотт, негоцианты, наиболее богатая и просвещенная часть населения, традиционно игравшая ведущую роль в жизни Марселя, связывали с созывом Генеральных штатов надежды на умеренные реформы по улучшению государственного управления. Однако, оказавшись в период избирательной кампании объектом резких нападков со стороны некапиталистической "буржуазии", они заняли оборонительную позицию, пытаясь сохранить свое руководящее положение. За подписание "патриотических" петиций негоцианты увольняли подчиненных, причем даже столь уважаемых, как капитаны морских судов; оказывали грубое давление на избирателей, наполняя собрания "буржуазии" своими людьми; а 19 августа 1789 г. даже тайно обратились к властям с просьбой ввести в Марсель королевские войска и предать суду "патриотических" лидеров. И все же марсельским негоциантам не удалось сохранить принадлежавшую им ранее власть в городе: в феврале 1790 г. был избран новый, "буржуазный" муниципалитет⁵¹.

⁴⁷ Ibid. P. 141 et suiv.

⁴⁸ *Sentou J. Fortunes et groupes sociaux à Toulouse sous la Révolution.* Toulouse, 1969. P. 469.

⁴⁹ *Godechot J. La Révolution française dans le Midi toulousain.* Toulouse, 1986. P. 33.

⁵⁰ Как писал современник, "это будто два разных народа, которые под именем марсельцев составляют один". — См.: *Carrière Ch. Negociants marseillais au XVIII siècle: Contribution à l'études des economies maritimes.* P. 1973. T. 1. P. 248; *Кожокин Е.М.* Указ. соч. С. 34.

⁵¹ *Scott W. The urban bourgeoisie in the French revolution: Marseille, 1789 — 92 // Reshaping France: town, country and region during the French Revolution / Ed. by A. Forrest, P. Jones. Manchester, 1991. P. 86 — 104.*

Если даже французские предприниматели при Старом порядке и поддерживали идею тех или иных преобразований, при этом они были далеки от каких-либо революционных устремлений⁵². Французский историк Ж.П. Ирш пришел к подобному выводу в результате анализа такого массового источника, как прошения торговых палат и консульских судов, поданных в 1788 г. королю и в Королевский совет в связи с предстоявшим созывом Генеральных штатов, а также соответствующей официальной корреспонденции. Его исследование показало, что реальные чаяния предпринимателей не имели ничего общего с экономическим либерализмом, который проповедовали физиократы. Скорее наоборот. В физиократах — “людях системы” — коммерсанты видели своего злейшего врага и крайне негативно относились к выдвигавшимся философами Просвещения требованиям равенства перед законом и отмены привилегий. Не принимая идею единой и общей для всех свободы как отсутствия ограничений, деловая элита Франции стремилась к упрочению своих традиционных корпоративных свобод. “В конечном счете, — писал Ирш, — сами эти прошения были не чем иным, как требованием привилегий, подкреплявшимся ссылками на предыдущие привилегии. Надо ли нам удивляться тому, что для мышления, отвергавшего абстрактное единство закона, привилегия оставалась основной формой свободы?”⁵³

Исследование Ирша продемонстрировало, что, вопреки широко распространенному в “классической” историографии мнению, капиталистические предприниматели не испытывали вражды к дворянам-землевладельцам⁵⁴. Напротив, видя в земельной собственности наиболее надежный, а потому и наиболее притягательный объект инвестиций, владельцы торгового капитала рассматривали свой переход в статус землевладельца через аноблирование, либо иным путем, как оптимальную для себя перспективу. Вот почему, отмечает Ирш, “ничто не кажется более чуждым идеологии предпринимательской Франции, чем дух 4 августа”⁵⁵. Даже если “капиталистическая буржуазия” и выиграла от Революции, заключает историк, сознательно действующим субъектом последней она явно не была.

* * *

Анализ социального состава депутатского корпуса Учредительного собрания и Конвента, предпринятый Коббеном, пробудил у исследователей повышенный интерес к этой теме. Хотя в це-

⁵² См., например: Goubert P., Roche D. Op. cit. P. 184.

⁵³ Hirsch J.P. Les milieux du commerce, l'esprit de système et le pouvoir, à la veille de la Révolution // Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. 1975. № 6. P. 1361.

⁵⁴ Ibid. P. 1355.

⁵⁵ Ibid. P. 1364.

лом его "ревизия" "классического" видения Революции, как уже отмечалось, вызвала весьма раздраженную реакцию историков-марксистов, даже оппоненты дали высокую оценку проведенному им анализу состава депутатского корпуса. "Прежде всего, — писал Ж. Лефевр, — воздадим должное г-ну Коббену за то усердие, с каким он составил перечень членов Учредительного собрания и Кофвента по признаку их социального происхождения, подобно исследованию такого рода, предпринимавшимся по инициативе Нэмира английскими историками в отношении палаты общин. Эти исследования можно было бы углубить, и французским ученым следует заняться ими"⁵⁶. Слова Лефевра — своего рода "воспоминание о будущем". С 1939 по 1953 г. он и группа его сотрудников уже пытались составить биографический словарь депутатов Учредительного собрания, однако их проект так и не был завершен⁵⁷.

Прошло еще почти 40 лет, прежде чем задача, поставленная Лефевром, была решена. Правда, сделали это не его коллеги по марксистской историографии. В 70-е годы изучением состава Учредительного собрания занялась Эдна Хинди Лёмэй, ученица Ф. Фюре. Результатом ее работы стали не только две монографии и серия статей⁵⁸, но и подготовленное под ее руководством фундаментальное издание — "Словарь депутатов Учредительного собрания"⁵⁹. В нем информация обо всех 1315 членах Собрания, найденная в департаментских, муниципальных и частных архивах, структурирована по единой форме, что позволяет осуществлять просопографический анализ как депутатского корпуса в целом, так и отдельных его частей. В частности, благодаря "Словарю", появилась возможность исследовать реальный вклад предпринимателей, волею судьбы оказавшихся среди "отцов Революции", в законотворческую работу по демонтажу Старого порядка и созданию Нового, а также изучить их отношение к революционным переменам.

⁵⁶ Lefebvre G. Op. cit. P. 341 — 342.

⁵⁷ Тырсенко А.В. Новый опыт биографического словаря: "Словарь депутатов Учредительного собрания" Эдны Хинди Лёмэй // Исторические этюды о Французской революции: Памяти В.М. Далина. М., 1998. С. 121 — 122.

⁵⁸ См., например: Lemay E.H. Composition de l'Assemblée nationale constituante: les hommes de la continuité // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1977. № 24; Idem. La vie quotidienne des Députés aux Etats Généraux, 1789. P., 1989; Лёмэй Э.Х. Как умирали "отцы революции" // Исторические этюды о Французской революции... Список статей Э.Х. Лёмэй по данной проблематике см.: Lemay E.H., Patrick A. Revolutionaries at Work: The Constituent Assembly 1789 — 1791. Oxford, 1996. P. 136.

⁵⁹ Lemay E.H. Dictionnaire des Constituants 1789 — 1791 / Avec la collaboration de C. Favre-Lejeune, la participation de Y. Fauchois, J. Félix, M.L. Netter et J.L. Ormières et l'assistance d'A. Patrick. Préface de F. Furet. P., 1991. 2 vols. Далее ссылки на это издание даются в основном тексте в скобках.

Лёмэй, так же, как и Коббен, отнесла к числу предпринимателей тех, кто занимался торговыми (*négociant, marchand, armateur, libraire*) и финансовыми (*banquier*) операциями, а также владельцев промышленных предприятий (*maître des forges, entrepreneur des manufactures, manufacturier-négociant* и т.д.). Всего таковых она насчитала 936⁶⁰. И хотя эти уточненные цифры несколько отличаются от полученных ранее Коббеном (85), в целом нарисованная им картина не претерпела существенных изменений. Если он определял долю предпринимателей среди представителей третьего сословия в 13%, то Лёмэй — в 14%. Просто, Коббен выводил этот процент из общего числа 648, а Лёмэй — из 665, включив сюда представителей колоний (не дворян) и заместителей, занявших места выбывших депутатов. Подавляющее же большинство депутатов от третьего сословия, по подсчетам Лёмэй, так же, как и Коббена, составляли оффисье (330, или 50%) и лица свободных профессий (174, или 26%, из них 146 — адвокаты)⁶¹. И хотя эти уточненные данные несколько разнятся с цифрами Коббена, в целом статистическое исследование Лёмэй подтвердило его вывод: среди депутатов третьего сословия преобладали люди, не связанные с капиталистической деятельностью⁶².

Впрочем, хотя раздел работы Лёмэй, посвященный депутатам-предпринимателям, и завершается этой констатацией, сама по себе последняя еще не дает оснований для выводов об их реальной роли в Учредительном собрании. Гипотетически ведь вполне возможно представить себе ситуацию, когда энергичное и сплоченное меньшинство диктует свою волю социально инородному большинству. А значит, такие выводы можно сделать лишь на основе анализа содержательной стороны парламентской деятельности депутатов-предпринимателей.

Для определения степени активности того или иного члена Собрания Лёмэй предлагает два критерия: выступления на общих заседаниях и работа в парламентских комитетах. Из 1315 депутатов от всех сословий 605 ни разу не брали слово, хотя их присутствие на об-

⁶⁰ Пользуясь случаем, хочу уточнить ранее публиковавшиеся мною расчеты (Чудинов А.В. Прощание с эпохой (размышления над книгой В.Г. Ревуненкова) // ВИ. 1998. № 7. С. 159; Он же. Смена веков: 200-летие Революции и российская историография. С. 19–20.). Цифру 94 депутата-предпринимателя я получил, ошибочно включив в их число представителя Тулона Ф.Т. Жома, в действительности — буржуа. Долю в 14,3% я вывел из числа депутатов третьего сословия (654), не учитывая депутатов-недворян от колоний, как это сделала Лёмэй и что, очевидно, является более точным.

⁶¹ Lemay E.H. Les révélations d'un dictionnaire: du nouveau sur la composition de l'Assemblée Nationale Constituante (1789–1791) // AHRF. 1991. № 284. P. 177–178.

⁶² Lemay E.H. Composition de l'Assemblée nationale constituante... P. 347–348.

щих заседаниях подтверждается источниками. Еще 561 человек выступали редко и коротко. И, наконец, 149 были постоянными ораторами. Именно они, несмотря на свою малочисленность (11,3% от общего числа), и задавали тон работе Собраний⁶³. В свою очередь, ораторов Лёмэй делит на тех, кто выступал "очень часто" (53) и "часто" (96). В основе этой классификации — частота упоминаний каждого из депутатов в индексе выступлений, помещенном в 23-м томе собрания парламентских дебатов. В первую категорию попали те, перечень выступлений которых занял в индексе более двух колонок, во вторую — более $\frac{3}{4}$ колонки (р. 996). Разумеется, подобный критерий весьма условен, ибо за скобками остается собственно содержание выступлений. Ведь один-единственный доклад может иметь большее политическое значение, чем десяток реплик в прениях, а упоминание о нем займет в индексе значительно меньше места. Однако о количественной стороне активности того или иного оратора такая классификация все же дает достаточно четкое представление.

Наиболее активно вели себя на общих заседаниях депутаты от третьего сословия: 32 из них выступали "очень часто" (ср.: от духовенства — 1, от дворян — 20), 59 — "часто" (от духовенства — 11, от дворян — 26)⁶⁴. Однако предпринимателей среди ораторов было крайне мало: ни одного первой категории и только 4 — второй, а именно — крупный торговец шелком из Лиона Пьер-Луи Гудар (Goudard); владелец большого торгового дома в Бордо Пьер-Поль Нэрак (Nairac); тулузский негоциант и промышленник Пьер-Огюстен Руссийу (Roussillou); руанский банкир, получивший накануне Революции дворянское звание, Жан-Бартеlemi Ле Куто де Кантело (Le Couteulx de Canteleau). Отметим такую характерную особенность их выступлений: все четверо проявляли интерес, прежде всего, к вопросам, связанным с их профессиональной деятельностью, и, как правило, не вмешивались в обсуждение общеполитических проблем. Так, Гудару неоднократно доверяли делать доклады от имени Комитета сельского хозяйства и торговли, в частности, о преобразовании таможенной системы (р. 415. См. также: Тематический указатель выступлений, р. 998 — 1013). В них он продемонстрировал блестящее знание истории законодательного регулирования торговли во Франции, снискав авторитет одного из наиболее компетентных экспертов в данной области, но в дискуссиях на любые другие темы неизменно хранил молчание. Нэрак также брал слово исключительно при обсуждении вопросов, входивших в сферу его профессиональной компетенции: торговля, колонии, таможни, порты, налоги, Ост-Индская компания (р. 710 — 711). Руссийу лишь однажды, 28 марта 1791 г., пришлось говорить о беспорядках, происшедших накануне в Тулузе, темами всех остальных его выступлений были опять же торговля, колонии, таможни, Ост-Индская компа-

⁶³ Lemay E.H. Les révélations d'un dictionnaire... P. 161 — 162.

⁶⁴ Ibid. P. 167.

ния. Круг интересов Ле Куто был несколько шире. Этому депутату доводилось выступать и по проблемам межгосударственных отношений, и по отдельным вопросам текущей политики. Однако основной сферой его компетенции все же было денежное обращение (р. 566–567). Именно выступления на эту тему и создали ему репутацию высококвалифицированного специалиста в сфере финансовой политики. В то же время ни один из четырех, насколько позволяют судить имеющиеся в распоряжении исследователей источники, не принимал активного участия в работе по формированию конституционных основ Нового порядка.

Что касается работы в парламентских комитетах, то здесь активность депутатов-предпринимателей, на первый взгляд, вполне соответствовала среднестатистическим показателям. Из 93 человек в комитетах состояли 48, то есть чуть больше 51%. Точно такая же пропорция была характерна и для представителей третьего сословия в целом (ср.: духовенство – 27%, дворяне – 37%)⁶⁵. Однако и здесь позиция предпринимателей имела свою специфику. Так, они значительно реже, чем другие депутаты, записывались сразу в несколько комитетов, предпочитая сосредотачиваться на работе в одном. Хотя формально именно такое поведение и предписывалось каждому члену Собрании, практика участия в нескольких комитетах (до 8 одновременно) имела широкое распространение⁶⁶. Из общего числа работавших в комитетах представителей дворянства и третьего сословия (соответственно 115 и 334 человека) в двух и более комитетах состояли 43,5% (50 и 145 человек). Даже для значительно менее активных депутатов от духовенства эта цифра составляла 38% (34 из 89)⁶⁷. Однако соответствующая доля предпринимателей еще ниже – 37,5% (18 из 48). Из них 13 были членами двух комитетов, 4 – трех и лишь 1 – четырех. Причем последний, лионский книгоиздатель Ж.А. Перисс Дюлюк (Périsse Duluc), оказавшийся в данном отношении “рекордсменом”, в двух из четырех комитетов провел лишь по одной неделе (р. 743).

В выборе предпринимателями комитетов, так же, как и в рассмотренной нами выше тематике выступлений ораторов из их числа, четко прослеживается интерес к проблемам, имевшим непосредственное отношение к их профессиональной деятельности. Из 34 комитетов Учредительного собрания депутаты-предприниматели входили в 19:

1. Сельского хозяйства и торговли – 13 человек
2. Продовольствия – 13
3. Финансов – 9
4. Колоний – 5

⁶⁵ Ibid. P. 186.

⁶⁶ Lemay E.H., Patrick A. Op. cit. P. 60–61.

⁶⁷ Lemay E.H. Les révélations d'un dictionnaire... P. 186.

5. Флота — 5
 6. Расчетов по долгам государства (Liquidation) — 4
 7. Ассигнатов — 3
 8. Расследований — 3
 9. Продажи национальной собственности — 3
 10. Денежного обращения (Monnaies) — 2
 11. Налогообложения — 2
 12. Докладов — 2
 13. Конституционный — 2
 14. Здравоохранения — 1
 15. Комитет 12-ти — 1
 16. По делам духовенства — 1
 17. Десятины — 1
 18. Редакционный — 1
 19. По проблеме нищеты — 1
- Итого: 72 места

Как видим, ровно половина мест (36) приходится на комитеты (сельского хозяйства и торговли; продовольствия; колоний; флота), занимавшиеся регулированием внутренней и внешней торговли, еще 24, или 1/3 — на комитеты (финансов; расчетов по долгам; ассигнатов; продажи национальной собственности; денежного обращения; налогообложения; 12-ти), занимавшиеся финансовой политикой, и лишь 12, или 1/6 — на все остальные. Впрочем, при ближайшем рассмотрении выясняется, что реальное участие данной категории депутатов в решении общеполитических задач было даже еще более ограниченным, чем можно предположить по этим и так весьма скромным цифрам. В Конституционном комитете вышеупомянутый Перисс Дюлюк и Г.Ж.К. Рикар де Сил (Ricard de Sealt), негодьянт и адвокат из Тулона, "проработали" всего лишь по 8 дней (р. 743, 806). В Комитете докладов, куда стекалась информация о положении на местах, тот же Рикар де Сил и бретонский негодьянт Ж. Делавиль-Леру (Delaville-Leroulx) числились чуть более полутора месяцев (р. 273, 806). Менее двух месяцев провел в Комитете расследований и нантский негодьянт Ж. Н. Гинебо де Сен-Мем (Guinebaud de Saint-Mesme) (р. 441).

Таким образом, и по этому показателю депутаты-предприниматели едва ли могут рассматриваться как наиболее активная часть депутатского корпуса. Впрочем, об единстве их политической позиции говорить также не приходится.

Для идентификации последней в распоряжении исследователя есть целый ряд критериев. О взглядах того или иного политика мы, разумеется, можем судить, прежде всего, по его выступлениям. Однако выше уже отмечалось, что подавляющее большинство членов Собрания либо вообще никогда не брали слова на заседаниях, либо делали это крайне редко. К тому же, депутаты-предприниматели, как мы видели, вообще особой разговорчивостью не отлича-

лись. Некоторое представление об отношении молчаливого большинства к происходившему дают результаты голосований. "Некоторое" — потому, что мы, к сожалению, располагаем поименными данными только по двум из них: об эмиссии ассигнатов (29 сентября 1790 г.) и о присоединении Авиньона (4 мая 1791 г.). Правда, оба имели важное политическое значение; ассигнаты, выпускавшиеся для погашения государственного долга, должны были обеспечиваться национализированной собственностью церкви; а присоединение Авиньона, находившегося под светской властью папы, означало прямое покушение на авторитет римского первосвященника. Таким образом, вотируя по каждому из этих вопросов, депутаты косвенно выражали свое отношение к католической церкви — одной из основных опор Старого порядка. Однако данные по обоим голосованиям охватывают не весь депутатский корпус: на упомянутых заседаниях, как обычно⁶⁸, присутствовали далеко не все депутаты: на первом — 913, на втором — 861 человек⁶⁹. Кроме этих сведений, сохранился также составленный противниками Революции перечень депутатов, поддержавших предложение об отказе Франции от колоний. Но "это не список собственно участников голосования, а имена тех, кого предполагали проголосовавшим по данному вопросу"⁷⁰.

Еще один критерий политической ориентации — членство в клубах: Якобинском, Фельянов, 89 года и др. Но и он распространяется не на всех: даже Клуб фельянов, наиболее популярный среди членов Учредительного собрания, посещало лишь 27% от их общего числа⁷¹. Определенный материал для размышлений дают приводимые Лёмэй данные списка "левых" и нескольких списков "правых" депутатов, составленные современниками Революции. Списки "правого" меньшинства представляют собой достаточно надежный источник: в большинстве случаев их данные совпадают и подтверждаются другими критериями или, по меньшей мере, им не противоречат. Напротив, к перечню "левых" приходится относиться с большей осторожностью: пытаясь создать более выгодное впечатление об их численности, составители списка включили в него некоторое количество явно случайных лиц, а то и вовсе "мертвые души" — людей, умерших несколькими месяцами ранее.

И, наконец, о политической принадлежности ряда депутатов свидетельствуют подписанные ими протесты. Тем не менее ни один из названных критериев не может рассматриваться как са-

⁶⁸ Только в самом начале работы Учредительного собрания — летом 1789 г. — явка на заседания составляла около 1000 человек, все остальное время она была значительно меньше, опускаясь порой до 600 и ниже. — Lemay E.H., Patrick A. Op. cit. P. 12 — 14.

⁶⁹ Lemay E.H. Les révélations d'un dictionnaire... P. 160.

⁷⁰ Ibid. P. 181.

⁷¹ Ibid. P. 184.

модостаточный, и чтобы определить политическую позицию интересующей нас части депутатского корпуса, нам придется использовать всю их совокупность.

Начнем с голосований — критерия, имеющего наиболее широкий охват. В заседании, где принималось решение о выпуске ассигнат, участвовало 67 депутатов-предпринимателей. Из них 45 вместе с "левыми" вотировали "за" эмиссию, 23 вместе с "правыми" — "против". По вопросу о присоединении Авиньона из 60 представителей торгово-промышленных кругов: 34 вместе с "левыми" голосовали "за", 21 с "правыми" — "против" и 5 воздержались.

Исходя из этих данных, депутатов, принявших участие в голосованиях (всего 78 человек), разделим условно на такие группы:

1. "Левые" (дважды голосовали "за") — 27 человек
2. "Правые" (дважды — "против") — 10
3. Предположительно "левые" (один — "за", второй — не голосовал или воздержался) — 15
4. Предположительно "правые" (один — "против", второй — не голосовал или воздержался) — 15
5. "Колеблющиеся" (один раз "за", другой — "против"; или один раз "воздержался") — 11.

Теперь по каждой группе в отдельности рассмотрим, насколько это предварительное деление соответствует остальным критериям.

1. "Левые". Правомерность подобной идентификации политических воззрений лиц, предварительно отнесенных к первой группе, полностью подтверждается и другими критериями. 24 человека из 27 были включены современниками в список "левых"; 11 упомянуты в перечне тех, кто поддержал отказ от колоний; 16 состояли в Клубах якобинцев и фельянов. В то же время никого из них нет ни в одном из списков "правых". Что же касается тех трех, кто дважды проголосовал вместе с "левыми", но не был внесен современниками в соответствующий перечень, то принадлежность двоих из них к "левому" крылу Собрания подтверждается другими данными. Б. Труйе (Trouillet), торговец из Лиона, был упомянут в перечне противников сохранения колоний и состоял в Клубе фельянов (р. 906); подпись Л.Ж.Л. Шеппера (Scheppers), негоцианта и директора торговой палаты в Лилле, стоит под "Письмом к избирателям", составленным Ф.А. Мерленом (р. 855). И, наконец, хотя "левые" симпатии третьего из не попавших в соответствующий список — нормандского негоцианта Ж.П.Н. Перре-Дюамеля, — проявившиеся в двойном голосовании "за", не находят иного подтверждения, у нас нет никаких оснований ставить их под сомнение: других следов своей работы в Собрании этот малозаметный депутат не оставил (р. 744). Таким образом, итог проверки по совокупности критериев для первой группы следующий — 27 "левых".

2. "Правые". Из 10 депутатов этой группы, предварительно идентифицированных нами как "правые", 6 были и современника-

ми включены в списки "правых", причем все — не по одному разу. Из них двое — Л.Д. Лефор-Жеффрие (Lefort-Geffrier) и Ж.С. Валетт (Valette), негоцианты соответственно из Орлеана и Анжера, — подписали 8 сентября 1791 г. протест против принятия Конституции; двое — вандомский негоциант Ж.Б. Креньер (Crenière) и опять же Лефор-Жеффрие — подписали 19 апреля 1790 г. декларацию в защиту католицизма как государственной религии; кроме того, Креньер шестью днями ранее участвовал в коллективном протесте против отмены титулов.

Однако троих из тех, кто дважды голосовал "против", современники включили в список "левых". Что касается крупного бретонского негоцианта и арматора П.Л. Мазюрье де Пеннанеша (Mazurié de Pennanesh), это, очевидно, произошло по недоразумению: его имя фигурирует и в двух списках "правых" (р. 650). Орлеанский торговец шелком П.Э.Н. Буве-Журдан (Bouvet-Jourdan) принадлежал к молчаливому большинству и, кроме двух голосований заодно с "правыми", ничем себя не проявил (р. 141). Возможно, неизвестные нам составители перечня "левых" отнесли его к таковым просто для увеличения их численности. Ведь, как характеризует данный источник Лёмэй: "Нас достаточно часто удивляет включение в него определенных имен: не было ли интереса в том, чтобы раздуть его сверх всякой меры?"⁷²

А вот принадлежность к "левым" версальского торговца тканями Ф.Л.Л. Буазландри (Boislandry) сомнений не вызывает. Член Якобинского клуба, а затем Клуба фельянов, он, выступая на Собрании по вопросам территориального деления и налогов, не раз высказывался в поддержку Революции. При обсуждении в августе 1789 г. Декларации прав человека и гражданина он составил мемуар из 74 пунктов, половина из которых была посвящена правам личности. Имя этого депутата упоминается среди отказавшихся от колоний, а в списке "левых" он значится как "очень активный". Негативное же отношение к введению ассигнат было обусловлено его экономическими, а не политическими воззрениями. Свою точку зрения на сей счет он, полемизируя с Мирабо, изложил 5 сентября 1790 г. в длинной речи, а в 1792 г., уже после завершения работы Учредительного собрания, — в отдельном памфлете (р. 108 — 109). Также едва ли можно отнести к "правым" и руанского мануфактуриста П.Н. де Фонтене (de Fontenay), хотя тот и проголосовал дважды "против" и не числился в списке "левых". Член клубов Массиак, 89-го года и Фельянов, он 10 февраля 1791 г. послал в *Moniteur* открытое письмо, протестуя против "клеветнических утверждений", будто он принадлежит к сторонникам монархического строя (р. 362).

Таким образом, проверка по совокупности критериев подтверждает правомерность политической идентификации лиц, вклю-

⁷² Ibid. P. 181.

ченных нами во вторую группу, за исключением лишь Буазландри и Фонтене. Итого: 8 "правых", 2 "левых".

3. *"Предположительно левые"*. Из 15 человек, отнесенных нами по итогам голосования в эту группу, 10 были включены и современниками в список "левых". Впрочем, даже сочетание этих двух критериев далеко не всегда позволяет идентифицировать того или иного депутата как действительно "левого". Руанский торговец лесом Д. Лефор (Lefort), хотя и проголосовал за присоединение Авиньона и попал в указанный список, все же должен быть определен как "правый": 4 мая 1791 г. он участвовал в коллективном протесте против гражданского устройства духовенства и дважды включался в списки "правых" (р. 570). Сомнительна принадлежность к "левым" и марсельского негоцианта М. Руссье (Roussier): еще 5 сентября 1790 г. он сложил с себя депутатские полномочия, а потому мог попасть в перечень голосовавших по ассигнатам (29 сентября 1790 г.) и в список "левых" (3 марта 1791 г.) только по недоразумению. По другим же критериям его политические симпатии идентификации не поддаются (р. 831). Подобная ошибка в списке "левых" — случай отнюдь не исключительный. Парижский торговец галантереей Ж.Л. Пуаньо (Poignot) был зачислен туда, а также в перечень противников колоний (12 мая 1791 г.), и вовсе после своей смерти, происшедшей 21 января 1791 г. Однако голосование "за" по вопросу об ассигнатах и членство в Клубе 89-го года подтверждают его принадлежность к "левым" (р. 760). Правомерность причисления к ним и остальных семи упомянутых в списке "левых" также подтверждается другими критериями — содержанием выступлений и принадлежностью к политическим клубам (4 были якобинцами и фельянами).

Из 5 депутатов третьей группы, которые не числятся в списке "левых", 4 мы все же можем идентифицировать именно как таковых (2 якобинца, 1 фельян и "оратор" Нэрак, разделявший взгляды большинства), а одного — П.Ф. Лалье (Laslier), торговца лесом из Рамбуэ, — как "правого". Он подписал протест против принятия Конституции и был дважды включен в списки "правых" (р. 541). Итого результат по третьей группе: 12 "левых", 2 "правых", 1 не идентифицирован.

4. *"Предположительно правые"*. Из 15 человек, условно отнесенных к этой группе, — для 6 принадлежность к правому крылу подтверждается тем, что и современники включали их в списки "правых", причем пятерых — дважды. Кроме того, негоцианты Е.Ж. Ожье (Augier) из Ангулема и Ж. Гаше-Делиль (Gaschet-Delisle) из Бордо подписали протест против принятия Конституции. Также к "правым" может быть отнесен и А. Катрефаж де Ларокетт (Quatrefages de Laroquette) — негоциант из Нима. Хотя его имя и упоминается в списке "левых", он голосовал не только против присоединения Авиньона, но и, как он сообщил в частной переписке, против отмены дворянских титулов (р. 780). Наконец, ли-

онский торговец кожами Э. Дюран (Durand) не оставил о своем пребывании в Собрании иных сведений, кроме голосования по вопросу об ассигнатах "против", а по вопросу об Авиньоне — "воздержался" (подал незаполненный бюллетень) (р. 323).

5 человек из этой группы мы должны отнести к "левым". Негоциант из Лаваля Ф.П. Ланье де Воссене (Lasnier de Vaussey), хотя и голосовал против эмиссии ассигнат, состоял в Якобинском клубе и числился в перечне противников колоний (р. 543). Негоциант из Тьера Ж. Рибероль де Мартинанш (Ribérolles des Martinanches), тоже будучи противником выпуска ассигнат, принадлежал к якобинцам, затем — к фельянам (р. 805). "Оратор" Ле Кутто де Кантелло, голосовавший против присоединения Авиньона, был фельяном. Имевший по вопросу об Авиньоне такое же мнение, парижский торговец шелком А.Ф. Жермен д'Орсанвиль (Germain d'Orsanville) в выступлении 28 августа 1790 г. четко высказался в пользу продажи конфискованных у церкви национальных имуществ (р. 401—402). Кроме того, все четверо входили в список "левых". Негоциант из Муассака А.Р. Гуж-Карту в этом списке не состоял и голосовал против ассигнат, но при обсуждении Декларации прав выдвинул свой проект, близкий по идеям к проекту Сийеса (р. 415—416).

Политические пристрастия двух марсельских негоциантов, вошедших в эту группу, нам по имеющимся данным идентифицировать не удалось. С одной стороны, оба голосовали против эмиссии ассигнат, с другой — были включены современниками в список "левых". Из них Ж.А. Делаба (Delabat), довольно долго отсутствовавший в Собрании по состоянию здоровья и ни разу не выступавший, ничем другим себя не проявил (р. 267), а Л. Лежан (Lejeans), хотя и брал дважды слово, но лишь по частным вопросам (р. 577—578).

Итого в четвертой группе — 8 "правых", 5 "левых" и 2 не идентифицированы.

5. "Колеблющиеся". Из 11 депутатов, предварительно выделенных в пятую группу, к "левым", по результатам последующей проверки, отходят 8. Принадлежность к этому крылу 5 из них, в том числе "оратора" Руссийу, определяется по членству в Клубе фельянов. Что касается остальных трех, то левые симпатии нантского негоцианта Ж.Э. Сигонь де Мопассана (Sigogne de Maupassant) проявились в его выступлениях по проблеме государственного долга (р. 214), а имена парижского ювелира А.Н. Лемуана-старшего (Le Moine aîné) и торговца из Валансьена П.Ж. Никодема (Nicodème) упомянуты в перечне противников колоний. Наконец, все восемь внесены в список "левых". А вот крупный торговец лесом из Мулена Л.А.Э. Лебрен (Lebrun), хотя и упомянут в списке решивших отказаться от колоний, все же должен быть идентифицирован скорее как "правый", поскольку подписал декларацию против гражданской организации духовенства (р. 558). Политиче-

скую же принадлежность двоих — К.Ф. Беназе (Benazet), торговца из Каркассона, и бретонского негоцианта Ф. П. Делаттра-старшего (Delattre aîné) — определить по имеющимся данным не удалось.

Итого результат по пятой группе — 8 “левых”, 1 “правый”, 2 не идентифицированы.

6. Остались 15 депутатов-предпринимателей, не принимавших участия ни в одном из двух голосований, результаты которых нам известны. Из них 3 можно уверенно причислить к “левым”. Ш. Дарш (Darche), владелец металлургического предприятия в Мариенбурге, и бретонский арматор И. Муайо (Mouyot) были членами Якобинского клуба, откуда перешли к фельянам, а затем снова вернулись к якобинцам. Оба упомянуты в списке “левых”, а Муайо еще и в перечне отказавшихся от колоний (р. 260, 707). К противникам колоний был отнесен и марсельский торговец шелком П. Пелу (Peloux), являвшийся также членом Клуба фельянов (р. 738). “Правым” из этой группы можно признать только лангедокского негоцианта Ш.К.А. Моннерона (Monneron), чье имя фигурирует в двух соответствующих списках. Политические симпатии остальных 11 депутатов этой группы не определяются. Трое из них, правда, упомянуты в списке “левых”, составленном 3 марта 1791 г., но явно по ошибке: парижский торговец лесом Т.Ж. Дезескут (Desescoutes) сложил депутатские полномочия 19 мая 1790 г. (р. 282), а владелец металлургического предприятия в Сарте Ф.Р. Герен (Guégin) — 24 октября 1790 г. (р. 437); негоциант же из Ножана-ле-Ротру Ф.И. Маргон (Margonne) и вовсе умер 4 ноября 1790 г. (р. 632).

Подведем общий итог. Опираясь на всю совокупность критериев, мы идентифицировали политическую принадлежность 93 депутатов-предпринимателей таким образом: 57 “левых”, 20 “правых”, 16 не определены. Разумеется, подобное деление носит несколько условный характер и при получении дополнительных сведений может быть уточнено по отдельным позициям. Не учитывает оно и существовавшего внутри каждого из двух обозначенных нами политических направлений, особенно среди “левого” большинства, широкого разнообразия взглядов, проявившегося в последующем делении на все новые “партии”. Тем не менее полученные результаты дают веские основания констатировать, что капиталистические элементы не только составляли явное меньшинство среди депутатов Учредительного собрания, как это убедительно продемонстрировали А. Коббен и Э.Х. Лэмэй, но и меньшинство к тому же политически расколотое. При всей гибкости применявшихся критериев мы смогли отнести к сторонникам Революции (в максимально широком смысле) лишь немногим более половины депутатов-предпринимателей. Довольно большая (17%) доля лиц, чьи политические симпатии так и остались невыясненными, обусловлена тем, что данная часть депутатского корпуса проявляла, за редким исключением, весьма

низкую активность в вопросах, непосредственно не связанных с их профессиональной деятельностью.

В поддержку традиционного представления советской историографии о том, что предпринимательские слои играли ведущую роль во Французской революции, сторонники марксистской интерпретации истории могут, конечно, привести и такой аргумент: «То, что предпринимательская буржуазия не имела большинства в Учредительном собрании, знал и К. Маркс, но он не думал, что это ставит под сомнение буржуазный характер революции, потому что выражать интересы буржуазии могут не только сами буржуа, но и такие идеологи и политики, которые по своему индивидуальному положению далеки от буржуазии, как "небо от земли"»⁷³. Действительно, *выражать* интересы какой-либо из общественных групп вполне может человек, к ней не принадлежащий, однако логично предположить, что членам этой группы их собственные интересы известны все же лучше, чем кому бы то ни было. Разумеется, речь идет о реальных интересах, а не о тех, которые им *post hoc* припишут авторы той или иной теории. Однако если принять марксистскую гипотезу о том, что депутатское большинство в Учредительном собрании и в самом деле "выражало интересы" предпринимательских слоев, то поведение депутатов, непосредственно принадлежавших к этим слоям, в таком случае будет выглядеть, по меньшей мере, странным: в основной своей массе они не проявляли большой активности в поддержке политики Собрания, в которой они, казалось бы, должны быть заинтересованы больше других, а значительная их часть этой политике и вовсе противилась.

Таким образом, если у Французской революции и были "творцы", то вряд ли их стоит искать среди того разрозненного и политически пассивного меньшинства, которое составляли в Учредительном собрании капиталистические предприниматели.

* * *

Огромный материал, накопленный за последние десятилетия в области экономической истории, заставляет по-новому взглянуть и на вопрос о связи революционных событий конца XVIII в. с дальнейшим развитием капитализма во Франции. Сегодня, пожалуй, может показаться излишне оптимистичным тот вывод, который советские историки считали аксиомой, а именно, что революция дала "самый мощный импульс формированию новой социально-экономической системы — системы капитализма"⁷⁴. И дело здесь не только в том, что торгово-промышленные круги французского общества оказались одной из наиболее пострадавших от револю-

⁷³ Смирнов В.П. Две жизни одного издания // НиНИ. 2002. № 3. С. 225.

⁷⁴ Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 505.

ции сторон. Да, мы помним, что посягательства на крупную собственность были неотъемлемым атрибутом массовых волнений революционной эпохи уже с самого ее начала (например, "дело Ревельона"). И что "негоциантизм" в эпоху Террора, действительно, рассматривался как вполне достаточный повод для преследований, которым в качестве "спекулянтов" (*assarageurs*) подвергались многие предприниматели. И что война в самом деле катастрофически подорвала бурно развивавшуюся накануне Революции заморскую торговлю. И все же, как показал в своем фундаментальном исследовании А.В. Адо, происшедшее в ходе Революции перераспределение земельной собственности в пользу крестьянства имело гораздо более долгосрочные негативные последствия для развития капитализма во Франции, нежели все вышеперечисленные факторы⁷⁵. При отсутствии статистических цифр по Франции в целом, наиболее показательными в данном отношении до сих пор остаются результаты исследования Ж. Лефевра по департаменту Нор, где с 1789 по 1802 г. доля крестьян в общем объеме земельной собственности выросла с 30 до 42% (+40%), буржуазии — с 16 до 28% (+75%), тогда как доля дворянства сократилась с 22 до 12% (-45%), а духовенства — с 20% до 0⁷⁶.

Передел земли в пользу мелких собственников и связанное с ним упрочение традиционных форм крестьянского хозяйства оказали во многом определяющее влияние на темпы и специфику промышленного переворота во Франции XIX в. «Шедшая в этот период парцелляция земельной собственности в сочетании с сохранением традиционных общинных институтов вела к тому, что даже обнищавший крестьянин имел возможность не покидать деревню, обладая клочком земли и обращаясь к общинным угодьям и правам пользования. Это усиливало аграрное перенаселение, задерживало отлив бедноты в города и создавало в деревнях громадный резерв рабочей силы, остро нуждавшейся в дополнительном заработке. Тем самым продлевалась во времени относительная стойкость "доиндустриальных" (ремесленных и мануфактурных) форм промышленного производства, прибыльность которых обеспечивалась использованием дешевого труда деревенской бедноты, а не модернизацией с применением машин и новой технологии. Агротехническая перестройка также шла замедленно, черты традиционной системы ведения хозяйства обнаруживали большую живучесть...»⁷⁷ Данный вывод об относительно невысоком уровне агрикультуры в хозяйствах новых владельцев земли подтверждается статистическими сведениями, собранными французским аграрным историком Ж.К. Тутзном, которые свидетельствуют о рез-

⁷⁵ См.: Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987. С. 356—359.

⁷⁶ См.: Там же. С. 358.

⁷⁷ Там же. С. 365.

ком падении урожайности большинства зерновых в послереволюционный период. Так, по сравнению с 1781 — 1790 гг. среднестатистическая урожайность зерновых в 1815 — 1824 гг. снизилась с 8 до 7,5, пшеницы — с 11,5 до 8,24, ржи — с 8 до 6,5, ячменя — с 11 до 6,4 центнера с гектара⁷⁸.

Одним из важнейших факторов, затруднявших проведение во Франции промышленной революции и аграрного переворота, стал "инвестиционный голод". Кризис промышленности и торговли, порожденный Французской революцией и войной, вызвал переориентацию владельцев капиталов на спекулятивные операции с недвижимостью, получившие широкий размах в результате массовой распродажи национальных имуществ. Как показал в ряде своих работ об экономических последствиях революции А.В. Ревякин, «важным признаком преобладания торгового капитала в начале XIX в. был заметный рост вложений буржуазии в недвижимую собственность в ущерб инвестициям. Такого рода непроизводительные вложения привлекали буржуазию не только своей "надежностью", что в условиях политической и военной нестабильности было немаловажным мотивом поведения, но и высоким общественным престижем, которым пользовались крупные землевладельцы. Стремясь приспособиться к общественным отношениям, в основе которых лежала собственность на землю как главное средство производства, торговый капитал проявлял свою неспособность к их коренному преобразованию»⁷⁹. И хотя капитализм во Франции развивался, несмотря на все сложности и неблагоприятные обстоятельства, причинно-следственная связь этого процесса с революционными событиями конца XVIII в. выглядит сегодня уже не столь бесспорной, как это казалось сравнительно недавно. Значительное и все более усугублявшееся на протяжении первой половины XIX в. экономическое отставание Франции от Англии, а во второй половине столетия и от Германии, заставляет серьезно задуматься над тем, происходило ли развитие французского капитализма "благодаря революции" или же "несмотря на нее".

Таким образом, как мы смогли убедиться, понятие "буржуазная революция" — еще одна ключевая категория марксистской интерпретации событий во Франции конца XVIII в. — довольно слабо согласуется с результатами конкретных исторических исследований и выглядит скорее мифологемой, порождением идеологии, нежели результатом изучения исторических реалий.

⁷⁸ Toutain J.C. Le produit de l'agriculture française de 1700 à 1958: 1. Estimation du produit au XVIIIe siècle. P., 1961. P. 74.

⁷⁹ Ревякин А.В. Буржуазия после Французской революции (первая половина XIX в.) // Буржуазия и Великая французская революция. С. 150.